

© А.С. Курленкова

ВИЗУАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ КУЛЬТУРЫ И ТЕЛЕСНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ МЕДИА ЛЮДЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ ЗРЕНИЯ

Ключевые слова: исследования инвалидности, исследования медиа, Маршалл Маклюэн, расширения человека, доступность, окуляроцентричность, текстоцентричность.

В статье проблема “доступности”, часто упоминаемая в контексте *disability studies*, рассматривается как вопрос “стыковки” телесно-технологических медиа человека, его физического окружения и распространенных социальных практик. Во-первых, для характеристики западных культур я использую понятие “окуляроцентричности”, означающее, что компетентный “пользователь” культуры должен вовлекаться в большое число визуальных практик. Во-вторых, на материалах интервью с незрячими и слабовидящими людьми я показываю условность категорий “зрение” и “слепота” и подчеркиваю, что зрительное восприятие может иметь множество различных оттенков, которые влияют на то, какие сочетания визуальных, тактильных и аудиальных практик и технологий человек использует в своей навигации.

DOI: 10.7868/S0869541518010062

Маршал Маклюэн называл органы и функции тела человека неким “первичным медиумом”, определяющим содержание поступающей к нему/ней информации. Крупнейшие технологические изобретения человечества – от печатного станка до электричества – являются ни больше ни меньше как “расширениями” этих органов и функций. В данной статье я предлагаю представить тело как набор определенных навыков (диспозиций), которые, в совокупности с различными экстрасоматическими расширениями (от костылей до мобильных телефонов, от очков до беговых кроссовок), обеспечивают взаимодействие человека с его средой, его участие в социальных практиках.

Важной в рамках статьи является идея, предложенная Маклюэном и подхваченная исследователями *sensory studies*, что вся культура/общество могут находиться под влиянием определенного органа чувств или технологий, являющихся его расширением. В частности, Маклюэн описывает изменения в сенсорной конфигурации общества на примере перехода от “оральных культур” к “хирографическим”, т.е. основным на письме, а затем к типографическим, в которых *визуальная составляющая* стала еще более выражена (MacLuhan 1994: 2). По мнению автора, алфавит как технология расширения зрения оказал едва ли не самое мощное влияние на психическую и социальную жизнь письменных обществ: он создал современного “цивилизованного человека”, т.е. индивидуальную личность, умеющую абстрагироваться от собственных

Александра Сергеевна Курленкова | <http://orcid.org/0000-0003-4711-338X> | askurlenkova@gmail.com
| к. и. н., научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов:
РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [грант № 15-06-05583]

эмоций и переживаний, а также гражданина, равного вместе с другими гражданами перед письменным текстом закона (Ibid.: 84). Технологии, продолжая эту мысль, незаметно для самого общества организуют его практики и институты в соответствии с тем, что “удобно” тому органу чувств, расширением которого они являются.

Современные исследователи *sensory studies* говорят о том, что в основе социального устройства лежат определенные *сенсорные практики*, т.е. способы использования органов чувств и интерпретации чувственного опыта (Vannini et al. 2012: 7). Практики использования органов чувств имеют свою иерархию в разных обществах: например, исследователи обращают внимание на то, что в современной западной культуре человек не может жить полноценной социальной жизнью, не вовлекаясь в большое количество визуальных практик (Jay 1994: 3). Прогоулка по городу, поход в кино или магазин, общение и поиск информации в интернете и даже участие в политических выборах предполагает, что человек использует зрение для получения нужной для него информации и координации своего поведения. Большое число и разнообразие визуальных практик в западной культуре дало основание говорить о ее “окулярцентричности” (или “скопическом режиме” эпохи модерна) (Jay 1994; Hughes 2002).

В рамках этой статьи я рассматриваю ситуации взаимодействия незрячего или слабовидящего человека с визуально организованной средой. В фокусе моего внимания – различные сенсорные практики, а также технологические медиа, используемые участниками исследования для перевода визуально организованных пространств и практик в иные сенсорные модальности. Примеры, которые я буду приводить, связаны с устройством магазинов, госучреждений, транспорта, практиками обучения в школах и вузах. Я покажу, какие визуальные требования заложены в устройстве этих пространств и связанных с ними социальных практик. Чтобы преодолеть/модифицировать эти требования, участники исследования используют различные (дополненные) визуальные, тактильные, аудиальные, кинестетические, термоцептивные практики или их сочетания.

Материалами исследования стали 40 биографических интервью, собранных в Центре реабилитации слепых (г. Волоколамск), Отделении работников интеллектуального труда Всероссийского общества слепых (г. Москва), Российской государственной библиотеке для слепых (г. Москва), Культурно-спортивном реабилитационном комплексе ВОС (г. Москва), колл-центре (г. Москва), учебно-производственном предприятии (г. Москва), Кисловодском медицинском колледже в 2015–2016 гг. В статье цитируется 15 интервью, обозначенных буквенно-цифровым способом (И1, И2 и пр.); список участников приводится в конце статьи. В исследовании участвовали люди в возрасте от 19 до 59 лет, имеющие 1 или 2 группу инвалидности по зрению: профессиональные музыканты (И1, И7, И6), супервайзеры организации, где работают незрячие сотрудники (И8, И9), специалист по тифлотехнике (И3), студенты колледжа медицинского массажа в Кисловодске (И5, И7, И10, И12–И15), тифлопедагоги (И4; И11 – зрячая), один безработный (И2). В исследовании участвовали только те, кто потерял зрение в детстве или во взрослом возрасте, и не участвовали слепорожденные люди. Кроме того, не были опрошены люди младше 18 и старше 59 лет (что вводит ограничения на представленные здесь сведения о частоте и характере использования технологий).

Теоретическая рамка работы

Идея единства телесно-технологического контура (напр., человек + мобильный телефон, человек + очки), т.е. неразделимого и взаимно конституирующего характера отношений между человеком и его не-органическими помощниками, привлекательна тем, что не проводит значимых различий между человеком и машиной, или “природными” и “искусственными” медиа. Человек, согласно Маклюэну, не замечает тех

медиа, которыми пользуется, как не замечает их искусственного или природного характера – по крайней мере до тех пор, пока какое-то из них не ломается. Он «принимает эти расширения себя в свою личную систему и проходит через “закрывание”, замещение восприятия [“closure” and displacement of perception], которое следует автоматически» (MacLuhan 1994: 46). Технологические медиа, войдя в культурные практики, становятся столь же незаметны для человека, сколь незаметны для него собственные телесные медиа. За исключением отдельных случаев, человек не замечает одежду, которую носит, машину, в которой едет на работу, наушники, в которых слушает музыку, компьютер, аппаратное и программное устройство которого задают формат всей его работы – так же, как не замечает собственную способность видеть, слышать, трогать, пробовать на вкус и обонять. Расширенная функция, чувство или орган человека, по выражению Маклюэна, “онемевает” (Ibid.: 43). Присутствие и влияние технологических медиа не осознаются человеком, который видит лишь *содержание* сообщения, ими передаваемого. Единственное, что способно обнаружить медиа в повседневной жизни, – это их поломка, раскрывающая неслышимую и незримую работу медиа.

Рассмотрение телесных и технологических функций как набора дополняемых и расширяемых “комплекующих” также стирает принципиальную разницу между “инвалидами” и “обществом”, ставшую “общим местом” в научных статьях и публичных дискуссиях. Концептуализация “инвалидов” как отличных от “общества” предполагает идеализацию не только “нормального”, “здорового”, самостоятельного тела большинства, но и “увечного”, “экзотического”, требующего постоянной поддержки и заботы тела инвалида. Такая концептуализация в disability studies получила название *медицинской модели* инвалидности, подчеркивающей биологический и индивидуальный характер увечья (Johnstone 2001: 16–17), которые определяют стиль жизни инвалида как “больного” человека, нуждающегося в постоянной опеке. В противовес этой модели, отражающей взгляд условно “здорового большинства” на людей с инвалидностью, в 1970–1980-х годах появились первые политические объединения самих инвалидов, положившие начало новой модели и новому языку описания. В частности, британская организация UPIAS (The Union of the Physically Impaired Against Segregation) предложила различать термин “увечь” (*impairment*), понимаемое как физиологическое/биологическое расстройство, и “инвалидность” (*disability*), т.е. ограничение деятельности человека с увечьем, связанное с организацией физического пространства и негативными общественными установками (Ibid.: 14–15). Так называемая *социальная модель* подчеркивает, что сама архитектура города, устройство подъездов, лифтов, средств коммуникации, а также социальных и культурных практик наделяет возможностями или, наоборот, “инвалидизирует” человека, выдвигая определенные требования к его моторике, скорости действий, использованию тех или иных органов чувств, росту и телосложению, силе и пр. Физическое окружение рассчитано на определенные соматические параметры человека, исключая из общественной жизни тех, кто им не соответствует.

В таком ракурсе абсолютно любой человек может оказаться в ситуации “несоответствия” физическому окружению: это ситуации, когда ребенок не может дотянуться до кнопки лифта, человеку “с лишним весом” не удастся войти в узкий проход здания, пожилой человек не успевает перейти дорогу на время зеленого сигнала светофора, женщина с детской коляской не может спуститься по лестнице из подъезда, незрячий человек не может сесть на свой автобус, потому что не видит его номер, и пр. В таких случаях несоответствие “тела” и окружения *преодолевается* через приобретение человеком новых телесных навыков и технологических расширений, а также изменений в дизайне городских пространств.

Технологические медиа, расширяющие наши функции и органы чувств, используются людьми, как имеющими, так и не имеющими зрение. Чтобы справиться с визуальной организацией пространства, незрячий человек прибегает к тактильным

и аудиальным технологическим медиа: так, в магазине для определения достоинства денег он может использовать отдельное устройство (“купюрник”) или специальное приложение на смартфоне, сканирующее и озвучивающие достоинство купюры. Там, где незрячий человек справляется самостоятельно, зрячему может потребоваться помощь технологий. Люди, потерявшие зрение в детстве, часто *на слух* определяют направление звука. Потому, например, незрячие звукорежиссеры не нуждаются в визуальных индикаторах, используемых их зрячими коллегами, чтобы определить, является ли звук, исходящий из колонок или наушников, бинауральным или моно-сигналом (И1).

Перенесение акцента с идеализированных типов “больного” и “здорового” тела на конкретное материальное взаимодействие¹ человека с окружающим миром и другими людьми, является одним из способов преодоления оппозиции “инвалид vs. общество”. Нас интересует ситуация “стыковки” телесно-технологической “архитектуры” человека, с одной стороны, и архитектуры городского пространства и социальных практик — с другой.

Примат визуального как объект научной дискуссии “природа vs. культура”

Среди традиционно выделяемых пяти органов чувств человека² визуальное чувство называют наиболее важным, в доказательство чего приводятся эволюционные (биологические) и культурные аргументы.

С одной стороны, развитие зрения считается эволюционным механизмом, появившимся у прямоходящих *homo* и сменившим развитое обоняние, которое преобладает у других животных, ходящих на четырех ногах. Полагают, что это чувство развилось у человека в полной мере позднее других, и физиологически зрение имеет гораздо более сложное устройство. Зрительный нерв насчитывает в 18 раз больше нервных окончаний, чем его ближайший соперник — слуховой, и способен на передачу огромного количества информации с интенсивностью поглощения, превышающей возможности любого другого органа чувств (Jay 1994: 6–8).

С другой стороны, некоторые исследователи говорят об окуляроцентричности отдельных культур или эпох, которым присуще значительное число и разнообразие визуальных практик. Визуальная доминанта в человеке, таким образом, понимается как некоторая культурная/историческая переменная, которая, в целом, не обязательна, а ее последствия можно было бы изменить. Отдельные авторы (например, философ Марк Вартофский) выступают за радикально “культурное” прочтение зрения: используя понятия “визуальные позы”, “визуальные сценарии”, “стили видения”, “культурная оптика”, он подчеркивает, что зрение — это “артефакт”, полностью объясняемый развитием человеческой культуры, более того — намеренным ее развитием в эту сторону.

Мартин Джей считает такую радикализацию “культуры” излишней. Он непротиворечиво увязывает обе традиции, считая важным подчеркнуть проницаемость границы между “естественным” и “культурным” компонентами того, что мы называем зрением. Развитию зрения могли способствовать как элементы древней истории человеческого вида (в частности, то, что человек начал развиваться как “дневное животное, стоящее на задних конечностях”), так и более поздние культурные и технологические события, значительно увеличившие значение визуальных практик в обществе (Ibid.: 3–9).

Сенсорные практики и технологии

Не вдаваясь в подробности спора о том, является ли наша визуальность качеством нашей “природы” или нашей “культуры”, обратим внимание на то, что в словах самих незрячих иногда проскальзывает определенная иерархия чувств. Первое место в ней принадлежит визуальному чувству или зрению. Участники рассказывают, что не

расставались с визуальными практиками вплоть до момента полной потери зрения. Часто упоминаются тактильное чувство (осязание) и слух. Кроме того, участники говорят о том, что в своей навигации пользуются термощептивными (например, ощущение ветра/холода на щеках, когда человек проходит между домами), кинестетическими (количество шагов от объекта до объекта), обонятельными и другими знаками.

Задействование тех или иных сенсорных практик и технологий зависит от индивидуального восприятия. На практике речь идет о целом континууме состояний, о которых человек, не “видящий” свой визуальный медиум, может не догадываться. Множественность этих состояний начинает восприниматься человеком только тогда, когда происходит поломка визуального медиума:

А у меня, вообще, такое интересное было впечатление, что, как бы, есть люди с нормальным зрением, максимум в очках... либо тотально незрячие. А что есть какая-то промежуточная стадия, я про это не знал, я про это узнал, там, где-то лет в двадцать... (И9)

Люди, объединенные юридическим статусом инвалидов по зрению 1, 2 или 3 группы³, могут иметь совершенно разный набор сенсорных навыков. Часть участников исследования, сохранивших остаточное зрение, говорят о том, что видят контуры и силуэты вещей:

Вот на таком расстоянии я вижу ваш силуэт, но понятие не имею, как выглядит ваше лицо. То есть я вижу, как через матовое стекло. Хоть близко поднесите что-то, матовое стекло не убирается. Контуры, очертания и день – ночь отличаю (И15).

Поле зрения может быть сужено и не захватывать определенные участки пространства. Иногда на сетчатке одного или обоих глаз могут находиться скотомы, т.е. слепые, не чувствительные к свету участки, воспринимаемые человеком как черные точки или “ватные пятна” (И14). Суженные поля зрения или наличие “слепых пятен” в зрении определяют специфические сенсорные практики, используемые человеком для взаимодействия с внешним миром:

У кого-то поля зрения очень узкие, то есть видит как в трубе человек. Читает свободно газету, но точно на определенном расстоянии перед собой... Или сбоку, вот так, то есть у него зрение такое, что в сторону направлено... И он ходит с палкой, потому что ничего кроме этой “трубы” не видит. Он идет, впереди палка, а слева читает названия магазинов (И8).

В такой ситуации, как мы видим, человек “собирает” картину окружающей действительности, комбинируя различные телесные навыки и технологии (белая трость + навык тактильного распознавания поверхности асфальта + визуальное распознавание объектов “слева”).

Визуальные практики. В ходе интервью двое участников исследования подчеркивали значение визуального медиума и своеобразную “привычку” использовать его максимально полно и долго.

Когда дело дошло до школы, ... определили меня в школу-интернат для слепых детей первой степени... Потом поняли, что ошибку сделали, я руками все равно не читал по Брайлю... Между пальчиками подглядывал... Пока у человека есть зрение, он никогда не станет читать руками или пользоваться звуковыми программами на компьютере. Так что до последнего все держатся, как правило... (И8).

Вот, я, допустим, слабовидящий, и такая есть тенденция: пока ты чуть-чуть еще видишь, ты будешь до конца держаться, не будешь всякие разговорки осваивать (И9).

В этих фрагментах подчеркивается, что визуальные практики используются настолько долго, насколько это возможно.

Значение визуального медиума часто становится видимым и “измеряемым” при возникновении проблем с чтением и письмом – т.е. ключевыми социальными практиками. Проблемы со зрением, например, часто обнаруживаются в школе –

учителями и родителями – при сравнении визуальных практик ребенка (в первую очередь того, как он читает и пишет) с практиками его сверстников.

Первый-второй классы было все хорошо, а вот в третьем у меня начали строчки съезжать. Сначала родители думали, что я ленив. А потом, когда я начала жаловаться, отвели к врачу, и за третий класс мне поставили диагноз – болезнь Штаргардта (И10).

В детстве брат мой не тянулся, когда читали сказки, а я тянулся (И14).

Опрошенные студенты кисловодского колледжа упомянули целый ряд визуальных техник, используемых ими, чтобы адаптироваться к текстоцентричности процесса обучения. В обычном режиме знания передаются студентам через письменные тексты (учебники), а также лекции преподавателей, которые фиксируются студентами в конспектах. Для чтения учебников студенты, имеющие низкое зрение, переводят печатный текст в электронный формат, получая возможность адаптировать его размер и контрастность под индивидуальные особенности зрения. Так, 25-летний студент Кисловодского медицинского колледжа, имеющий 2 группу инвалидности по зрению, говорит, что “копирует тексты, делает их в большом формате и читает” (И13), что помогает ему осваивать учебную программу. Кроме того, многие студенты используют разного рода “электронные лупы” (стационарные; подключаемые к компьютеру или телевизору; небольшие гаджеты наподобие смартфонов; а также специальные программы), которые увеличивают размер, контрастность и цвет текста (например, инвертируют цвет, делая белый шрифт на черном фоне).

Тактильные практики. Человек, теряющий зрение или не имеющий его, нередко вовлекается в большое число аудиальных и тактильных практик, получая ключевую информацию об окружающем мире через слух и прикосновение.

По словам тифлопедагогов, тактильный медиум имеет особое значение в образовании слепорожденных детей: благодаря “осматриванию руками” у них формируются представления о пространстве и физических объектах (И11). У людей, потерявших зрение в детстве, осязание развивается благодаря постоянной тренировке тактильных ощущений. По мнению 18-летнего студента массажного колледжа, “каждый, абсолютно каждый человек может в себе развить повышенную тактильную восприимчивость, будь то со 100% зрением, 50-процентным или нулевым” (И12).

Тактильные практики становятся способами рутинного взаимодействия незрячих людей между собой:

Наш брат, мы, когда здороваемся, делаем какое-то легкое прикосновение, достаточно дотронуться до плеча, представляем себе комплекцию человека... (И7)

Тактильное чувство может задействоваться незрячими для чтения и письма, т.е. приобщения к ключевым визуальным практикам культуры. Способом передачи текстовой информации становится чтение и письмо “руками”, основанные на ощупывании выпуклых точек, – азбуке Брайля. Последовательность точек кодирует букву алфавита или знак препинания. Точки протыкаются специальным грифелем в бумаге, которая закладывается в Брайлевскую доску – металлическую пластину, состоящую из рядов прямоугольных ячеек.

Люди, освоившие азбуку Брайля, могут использовать этот навык при работе на специальных брайлевских клавиатурах и дисплеях – электронных устройствах, подключаемых к компьютеру или смартфону и позволяющих с гораздо большей скоростью, чем при обычном Брайле, создавать и тактильно воспринимать текстовую информацию. Единственным, но существенным барьером на этом пути стоит считать тот факт, что брайлевский дисплей сегодня – это роскошь для большей части россиян: по словам сотрудника компании, занимающейся распространением тифлотехники, на 2016 г. стоимость такого дисплея составляла от 80 (14 символов) до 145 (40 символов) тысяч рублей (И3).

Сравнивая обучение музыке по Брайлю и “на слух”, профессиональные музыканты, участвовавшие в исследовании, заметили, что более “правильным”, “грамотным”

Рис. 1. Алфавит Брайля

является заучивание мелодии по нотной системе Брайля, т.е. тактильно. Такое обучение наиболее приближено к визуальному, оно позволяет незрячему человеку более точно понять партитуру:

Дело в том, что если читать ноты именно с листа, ну, или разучивать произведение непосредственно с нот, то здесь у тебя получается простор для вариаций, т.е. ты произведение принимаешь, в себе перерабатываешь, и дальше ты уже становишься тем человеком, который пропустил через себя и сделал что-то свое... А в случае аудиального... обучения, от этого невероятно сложно отойти, потому что, что бы ты ни слушал, все равно это исполнение конкретного человека (И1).

Использование нотного Брайля, таким образом, позволяет приблизить музыкальное образование незрячих к визуальной модели, по которой обучаются зрячие и для которой характерно постоянство, абстрактность, возможность точного воспроизведения информации.

Аудио-практики. Некоторые участники, особенно те, кто потерял зрение в раннем возрасте, отмечают развитие слуховых ощущений (И1, И7). Благодаря ежедневно проделываемой работе, рано ослепший незрячий человек различает, запоминает и знает большое число звуков вокруг себя, и эти навыки становятся важными инструментами

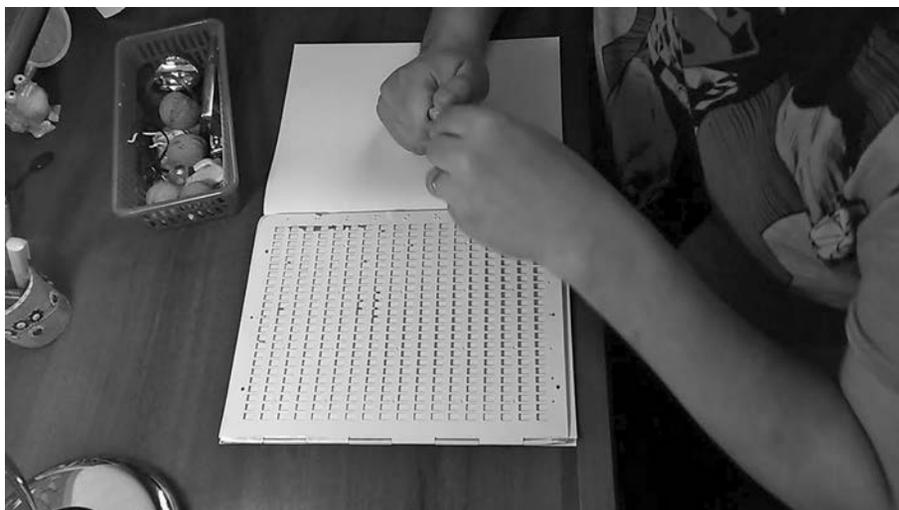

Рис. 2. Брайлевская доска

его навигации. Так, 27-летний Иван, начавший испытывать серьезные проблемы со зрением с 7 лет, отмечает, что без труда может определить источник и направление движения окружающих звуков:

Вот, мы заходим, например, в душ – гудит помещение, правильно? А мы это слышим как отражение от конкретной стены – отражение от окна, от этой стены... Вот как мыши летучие, они ультразвуковой сигнал посылают и слушают, у нас всё то же самое. Только мы звуковой сигнал не посылаем, мы пользуемся тем, что есть. А есть у нас реально всегда, не бывает идеальной тишины... По крайней мере, сколько у меня знакомых было, я ни одного не знаю, кто, например, при потере в детстве не слышал бы стены... Может, и есть какой-то маленький процент, но это невероятно сложно (И1).

Слова Ивана согласуются с данными естественнонаучных исследований, согласно которым некоторые рано ослепшие люди лучше, чем зрячие, справляются с не-визуальными заданиями, связанными с восприятием речи, узнаванием голосов, вербальной памятью, музыкальными задачами. Было показано, что у рано ослепших детей затылочные доли мозга, отвечающие за обработку визуальной информации у зрячего человека, задействуются в локализации звука при моно-ауральном звучании, а также выполнении различных тактильных заданий, например, чтении текста по Брайлю (Gougoux et al. 2005).

Развитый слух у рано ослепших незрячих, однако, не следует путать с широко бытующим мнением, что все незрячие – хорошие музыканты. Такое мнение восходит к запечатленной в фольклоре и художественной литературе традиции как славянской, так и европейской народной культуры, в которой слепые часто становились певцами и музыкантами (Михайлова 2004: 143). Вопреки этой традиции, и тифлопедагоги, и сами незрячие участники исследования отмечают, что хороший слух как главное сенсорное устройство рано ослепшего человека далеко не всегда приводит к особой “музыкальности” его обладателя и, как следствие, к избранию карьеры музыканта (И4, И1, И2, И11). Тифлопедагог Марта предостерегает против идеализации музыкальности и тактильности незрячих людей, закрепившейся на уровне популярных представлений, а также служащей основанием для официальной политики образования и трудоустройства незрячих в нашей стране.

У нас есть музыкальный специальный и массажный специальный колледж. Туда берут по принципу слепоты. Не то, что у тебя талант! У тебя могут быть руки, там,

недоразвиты, но ты слепой и можешь идти на массажиста. Тебе, может, медведь оттоптал все уши, и ты совершенно не музыкальный человек, [но идешь учиться на музыканта]... (И11)

Следует сказать несколько слов об аудио-расширениях, доступных сегодня незрячему человеку для чтения информации с электронных носителей. Специальные озвучивающие программы, называемые “скрин-ридерами”, синтезаторами речи или программами экранного доступа, позволяют человеку прослушивать любые электронные тексты – от сообщений в соцсетях до электронных книг, учебников и любых других оцифрованных текстов. Среди наиболее популярных “говорилок” участники исследования упоминают бесплатную программу NVDA (Non-Visual Desktop Access) и платную программу Jaws, устанавливаемые на стационарные компьютеры и ноутбуки. Их аналоги сейчас работают на всех смартфонах, в разделе “Специальные возможности / Универсальный доступ”: программа TalkBack (на платформе Android) и VoiceOver (на платформе Apple).

Появление электронных устройств произвело действительно революционный эффект на возможности доступа незрячих людей в мир визуальных практик. Переход из “галактики Гутенберга” в мир цифровых текстов позволил преодолеть исключительно визуальный характер текстовой информации.

Когда я училась в вузе, мне без интернета никак. Я оттуда брала уйму информации. Я не могу книгу взять в библиотеке, мне это не поможет. Поэтому я брала электронный вариант, программу озвучки (И5).

Потому что сейчас компьютер – это большое окно в мир. Потому что там можно все это озвучить. И через компьютер, и интернет, и аудиокниги, и чего хочешь там. Смартфоны, мессенджеры. Даже если человек вообще не видит – ты, там: “Окей, Гугл”. Просто наговорил, и там уже весь текст есть. И я считаю, это колоссальный прорыв (И9).

Однако не все участники используют возможности аудио-доступа к электронным ресурсам. Кто-то скептически относится к самому факту использованию компьютеров и смартфонов, предпочитает жить “по старинке”, не имеет желания/ финансовой возможности покупать и осваивать озвучивающие программы. Кроме того, далеко не все веб-страницы легко и понятно читаются программами экранного доступа, что связано с тем, что сами разработчики сайтов не уделяют внимания их *web-доступности* – т.е. “back-end-архитектуре” сайтов, где озвучивающая программа берет свои инструкции.

Помимо аудио-программ, незрячие студенты освоили своеобразный аналог учебных конспектов – их аудиозапись на диктофон. Фактически, все незрячие и слабовидящие студенты и выпускники колледжей и вузов, с которыми я общалась, построили свои обучение на прослушивании и заучивании аудиозаписей лекций. Опора на аудио-тексты в образовании, естественно, была известна незрячим и раньше, когда их зрячие знакомые и одноклассники помогали им, “начитывая” письменные тексты на диктофон (И5, И6, И1). Однако с появлением скрин-ридеров и дигитализации текстов такой формат обучения сильно упростился.

Визуальная организация городских пространств

Анализируя интервью с незрячими и слабовидящими людьми, особенно ясно видишь, какую роль визуальная модель передачи информации и визуальные практики играют в нашей культуре. Огромное количество ситуаций взаимодействия с материальной средой города и другими людьми требуют от нас визуального участия.

Ситуация контакта незрячего или слабовидящего человека с физической/социальной реальностью обнажает как его сенсорные навыки, так и сенсорный характер самой среды. Отсутствие зрения ощущается самим человеком и становится зримым для других людей в определенных социальных ситуациях, в моменты своеобразной

“рассогласованности” его сенсорно-технологических возможностей и требований его материального окружения. Например, в ситуациях, когда нужно узнать номер подходящего автобуса или маршрутки, увидеть нужный товар и его цену в магазине, прочитать расписание киносеансов или электричек, поставить подпись в банке или госучреждении. Незрячий человек может ощущать беспомощность и несамостоятельность, вызванную тем, что город устроен по сенсорным принципам, которые не соответствуют его сенсорным навыкам и доступным ему технологиям:

А человек все время вынужден быть в позе просящего... Вот это вот душит больше всего... Потому что ничего сам не можешь сделать. Ни подписать бумагу, ничего. Сходить куда-то — проведите. В магазин сходить — тоже проведите. Если кто-то ходит в магазины... (И8)

Некоторые участники исследования, имеющие остаточное зрение, привыкают справляться с одними визуальными заданиями, однако испытывают проблемы с другими:

Когда ты становишься старше... ну, мальчики они, там, с девочками... Ну, там, в кино, выбираешь сеансы — а я не вижу! И, там, начнется долго обсуждение: “Почему? Одень очки”... (И9).

Большое количество визуальных подсказок (названия улиц, номера домов, визуальная разметка дорог, электронные табло на остановках, в кинотеатрах, банках) говорит нам о том, что город создан зрячими людьми для зрячих⁴. Участники исследования переживают перемещение по городу, а тем более путешествия в новые города, как одну из самых сложных задач, на которую им приходится в буквальном смысле “отваживаться”. Не меньшие сложности вызывает ориентация в таких местах, как магазины, кинотеатры, госучреждения.

Я не хочу идти в супермаркет большой, потому что там мне будет тяжело. Во-первых, дойти в торговый центр и пройти по нему... — это, вообще говоря, задача нетривиальная. Никаких тактильных обозначений нет. Люди, которые ходят вокруг, они ходят во всех направлениях, они сбивают с мысли... Постоянно приходится обращаться — это чувствовать себя инвалидом... Приходишь в магазин, ты должен точно знать, что тебе надо. Ты не можешь пойти посмотреть, а что у вас тут есть... (И3)

Наряду с рутинными событиями, наподобие похода в магазин, визуальные практики лежат в основе и более масштабных социально-политических событий, например, политических выборов. Незрячий не может прочитать список кандидатов в бюллетене на месте голосования и поставить отметку напротив нужной фамилии. Попытки преодолеть визуальность события голосования на отдельных избирательных участках имеют спорный успех:

У нас [в Таганроге] придумали какие-то рамочки, но внутри нее все равно нужно расписываться, ставить крестик или что-то такое... Попасть, куда поставить крестик, это да. А как информацию понять, кому ставить? (И5)

По закону незрячий человек может прийти на выборы с сопровождающим, принеся нотариально заверенную доверенность на этого человека. Проблема визуальности в этом случае решается не через изменение сенсорных практик в сторону большей вариативности, но через использование других людей, служащих “глазами” голосующего.

Подобного рода разрывы между сенсорными возможностями человека и сенсорными требованиями среды преодолеваются с помощью аудиальных и тактильных расширений незрячего человека, а также развития самой среды. В последнем случае сама архитектура города переориентируется на мультисенсорные запросы его жителей. Технически это может воплощаться в создании тактильных направляющих, звуковых светофоров, оснащении значимых мест в городе (остановки, аптеки, магазины, банки) сенсорными датчиками, оповещающими о себе незрячих через специальные аудиоустройства⁵. Однако часто, по словам незрячих горожан, “доступность” города

воплощается формально: звуковые светофоры не работают, тактильная плитка укладывается “как красиво или как попало”, выше или ниже основного уровня дорожного покрытия, большинство лифтов и подъемников в переходах не работают⁶.

* * *

Представление проблемы доступности среды через призму отношений телесно-технологических медиа человека с сенсорным устройством среды позволяет преодолеть медицинскую модель инвалидности (модель личной трагедии), акцентирующую физиологическую сторону увечья. Такой взгляд позволяет сказать многое не столько о биологических особенностях увечья, которое нигде и никогда не существует “само по себе”, независимо от норм общества и материальной среды, сколько, главным образом, о сенсорном устройстве и сенсорных практиках всей нашей культуры. В статье на примере устройства городской архитектуры и практик образования я подчеркиваю “окуляроцентричность”, т.е. примат визуальных практик, в нашем обществе. Социальная жизнь и практики взаимодействия незрячих и слабовидящих людей с объектами физической инфраструктуры оказывается своеобразной “лакмусовой бумажкой”, делающей видимыми сенсорные основания нашей культуры.

Статья предлагает рассматривать проблемы, возникающие при взаимодействии незрячего человека со средой, как характерные для самых разных ситуаций “нестыковки” сенсорных/телесных и технологических возможностей человека с устройством его окружения. Данный подход позволяет поставить проблему доступности среды в прагматическом ключе. Как сделать так, чтобы учесть в архитектуре города и текстоцентричных площадках (в том числе виртуальных) сенсорные практики как можно большего числа сенсорных коллективов и индивидов? Какие возможности не-визуальных расширений существуют в тех социальных сферах, где примат визуального чувствуется особенно резко (например, в образовании, некоторых видах профессиональной работы, в области быта, досуга)? Данная статья имела задачей показать важность переосмысления современной городской архитектуры и повседневных социальных практик с точки зрения их сенсорного устройства и возможностей включения в них людей не только через визуальные, но и тактильные и слуховые практики, а также через совершенствование соответствующих им технологий.

Примечания

¹ Сравните с тем, что П. Ваннини и его соавторы пишут о задачах их книги: “Главная концептуальная задача этой книги — заложить аналитические основания подхода к чувствам (*senses*) как к взаимодействию” (*Vannini et al.* 2012: 10).

² П. Ваннини и его соавторы говорят об условности традиционной классификации чувств: помимо тех, что дают нам информацию о *внешнем мире*, есть также “интроцептивные чувства”, такие как чувство боли, жажды, голода, чувство внутренних органов и мышц (проприоцепция), баланса, движения, температуры тела, времени и даже оргазма. В общей сложности, авторы насчитывают более 13 (!) чувств. Кроме того, они подчеркивают, что в опыте человека чувства часто переплетаются и накладываются, что показано на примере восприятия утренней чашки кофе, в котором для авторов равно важны вкус, аромат, температура и даже тактильные ощущения от любимой кружки (*Vannini et al.* 2012: 6).

³ Инвалидность может быть присвоена человеку, острота зрения которого (с коррекцией лучшего глаза) не выше 4% (1 группа), 5–10% (2 группа), 10–30% (3 группа). Кроме того, должно быть установлено, что этот человек имеет “существенные ограничения одной или нескольких основных категорий жизнедеятельности” (например, способность к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, общению, трудовой деятельности и даже “способность контролировать свое поведение”) (Приказ № 1024н от 17.12.2015).

⁴ «Визуальная парадигма, — по словам финского архитектора Юхани Палласмаа, — является первоочередным условием в городском планировании, от идеализированных планов городов Возрождения до функционалистских принципов городского планирования, которые отражают “гттиену оптического”... Современный город все больше становится городом глаза...» (*Pallasmaa* 2005: 29).

⁵ Примером подобной инициативы является проект “Говорящий город” (2010–2015) в Санкт-Петербурге, в ходе которого ряд троллейбусов, автобусов, остановок общественного транспорта, зданий и перекрестков были оснащены такими сенсорными датчиками. См. подробно об этом проекте: http://www.radiovos.ru/arch/Tiflo4as/Tiflochas_164-SpeakingCity.mp3

⁶ См. подробно в заметке Ивана Онищенко: <http://www.patriot-rus.ru/regionyi.-aktualnyij-kommentarij/mify-i-realnost-dostupnoj-sredy-moskvy.html>

Список участников исследования

Иван (И1), 27 лет, проживает в Московской обл., высшее музыкальное образование (Российская государственная специализированная академия искусств), штатный звукорежиссер Радио ВОС. Потерял зрение в 11–12 лет, 1 группа инвалидности.

Вячеслав (И2), 28 лет, проживает в Москве, среднее специальное образование (специальность — менеджер), безработный, 1 бессрочная группа инвалидности.

Анатолий (И3), 34 года, директор по инновациям в компании, занимающейся адаптацией и производством тифлотехники, высшее образование (МГУ, факультет госуправления), сотрудник ВОС.

Алексей (И4), тифлопедагог, специалист по ориентированию и мобильности, эксперт по “accessibility”, научный сотрудник ФГНУ “Институт коррекционной педагогики” РАО.

Ирина (И5), 28 лет, Таганрог, студентка Кисловодского медицинского колледжа.

Лилия (И6), 29 лет, Башкортостан, проживает в Подмосковье, высшее музыкальное образование (Российская государственная специализированная академия искусств), преподаватель музыкальной аранжировки. Полностью потеряла зрение в 13 лет, 1 группа инвалидности.

Андрей (И7), 55 лет, профессиональный музыкант, аранжировщик, преподаватель гитары, 1 группа инвалидности.

Анатолий (И8), 59 лет, родился в Мордовии, окончил Политехнический институт (специальность — радиотехника), 2 группа инвалидности.

Владимир (И9), 28 лет, неоконченное высшее образование (Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства), супервайзер в колл-центре. Начал терять зрение с 9 лет, 2 группа инвалидности.

Маргарита (И10), 19 лет, Ростов-на-Дону, студентка Кисловодского медицинского колледжа, 2 группа инвалидности.

Марта (И11), тифлопедагог, Институт коррекционной педагогики Российской академии образования, зрячая.

Дмитрий (И12), 19 лет, Брянск, студент Кисловодского медицинского колледжа.

Пантелей (И13), 25 лет, Сургут, студент Кисловодского медицинского колледжа, 2 группа инвалидности.

Заур (И14), 29 лет, Черкесск, студент Кисловодского медицинского колледжа, 3 группа инвалидности.

Сергей (И15), 42 года, Краснодарский край, студент Кисловодского медицинского колледжа, в прошлом предприниматель.

Источники и материалы

Онищенко 2016 — *Онищенко И.* Мифы и реальность доступной среды Москвы. 31.08.2016 // Политическая партия Патриоты России. <https://patriot-rus.ru/regionyi.-aktualnyij-kommentarij/mify-i-realnost-dostupnoj-sredy-moskvy.html>

Приказ № 1024н — Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 17 декабря 2015 г. N1024н “О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы” (с изменениями и дополнениями).

Научная литература

- Михайлова К. О семантике странствующего певца-нищего в славянской народной культуре // Язык культуры: семантика и грамматика // Язык культуры: семантика и грамматика / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 138–156.
- Hughes B. Bauman's Strangers: Impairment and the Invalidation of Disabled People in Modern and Post-Modern Cultures // *Disability & Society*. 2002. Vol. 17 (5). P. 571–584.
- Gougoux F., Ztorre R., Lassonde M., Voss P., Lepore F. A Functional Neuroimaging Study of Sound Localization: Visual Cortex Activity Predicts Performance in Early-Blind Individuals // *PLoS Biol*. 2005. Vol. 3 (2). P. e27. doi:10.1371/journal.pbio.0030027
- Jay M. *The Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth Century French Thought*. Berkeley: University of California Press, 1994.
- Johnstone D. *An Introduction to Disability Studies*. 2nd ed. Abingdon: David Fulton Publishers, 2001.
- McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge: MIT Press, 1994.
- Pallasmaa J. *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. Chichester: John Wiley & Sons, 2005.
- Vannini P., Waskul D., Gottschalk S. *The Senses in Self, Society, and Culture*. N.Y.: Taylor & Francis, 2012.

Research Article

Kurlenkova, A. S. Visual Imperatives of Culture and Bodily-Technological Media of Visually Impaired People [Vizual'nye imperativy kul'tury i telesno-tekhnologicheskie media liudei s narusheniami zreniia]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 1, pp. 59–72. ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Alexandra Kurlenkova | <http://orcid.org/0000-0003-4711-338X> | askurlenkova@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords:

disability studies, media studies, extensions of man, McLuhan, accessibility, ocular-centeredness, text-centeredness

Abstract:

In the article, the problem of “accessibility”, often raised in the context of disability studies, is considered as a matter of “(mis)matching” of bodily-technological media of a person, his/her physical environment and widespread social practices. First, I use the concept of “ocular-centricity” to characterize Western cultures, meaning that a competent cultural “user” should daily get engaged in a large number of visual practices. Secondly, using interviews with blind and partially sighted people, I show the conventionality of categories “vision” and “blindness” and emphasize that visual perception has many different shades. These perceptual nuances, in their turn, affect which combinations of visual, tactile and auditory practices and technologies people use in their navigation.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [15-06-05583]

DOI: 10.7868/S0869541518010062

References

- Gougoux, F., R. Ztorre, M. Lassonde, P. Voss, and F. Lepore. 2005. A Functional Neuroimaging Study of Sound Localization: Visual Cortex Activity Predicts Performance in Early-Blind Individuals. *PLoS Biol* 3 (2): e27. doi:10.1371/journal.pbio.0030027

- Hughes, B. 2002. Bauman's Strangers: Impairment and the Invalidation of Disabled People in Modern and Post-Modern Cultures. *Disability & Society* 17 (5): 571–584.
- Jay, M. 1994. *The Downcast Eyes: The Denigration of Vision in Twentieth Century French Thought*. Berkeley: University of California Press.
- Johnstone, D. 2001. *An Introduction to Disability Studies*. 2nd ed. Abingdon: David Fulton Publishers.
- McLuhan, M. 1994. *Understanding Media: The Extensions of Man*. Cambridge: MIT Press.
- Mikhailova, K. 2004. O semantike stranstvuiushchego pevtsa-nishchego v slavianskoi narodnoi kul'ture [On Semantics of the Wandering Singer-Beggar in the Folk Culture]. In *Yazyk kul'tury: semantika i grammatika* [Language of Culture: Semantics and Grammar], edited by S. M. Tolstaia, 138–156. Moscow: Indrik.
- Pallasmaa, J. 2005. *The Eyes of the Skin: Architecture and the Senses*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Vannini, P., D. Waskul, and S. Gottschalk. 2012. *The Senses in Self, Society, and Culture*. New York: Taylor & Francis.